

Отзыв

официального оппонента о диссертации Регурецкой Екатерины Михайловны «Концепция мифа в творчестве Б. Шульца и Ф. Кафки», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская)

Диссертация Екатерины Михайловны Регурецкой посвящена проблеме мифа в творчестве двух классиков европейского модерна – Бруно Шульца и Франца Кафки.

Не подлежат сомнению как **актуальность** работы, продиктованная, с одной стороны, неослабевающим интересом к этим ярчайшим фигурам мировой литературы и по-прежнему открытыми для интерпретации – в том числе в компаративистской перспективе – горизонтами их творчества, с другой – плодотворностью избранного автором ракурса, связанного с попыткой осмыслить модификацию представлений о мифе в «индивидуально-творческий» период истории мировой культуры, так и ее **новизна**, заключающаяся в том, что в диссертации Е.М.Регурецкой впервые проведен сравнительно-генетический и сравнительно-типологический анализ концепции мифа у Шульца и Кафки в аспекте модернистского неомифологизма, позволяющий реконструировать и систематизировать мифообразы, определить их мифопоэтическую общность и специфику.

Нельзя не согласиться с автором, что подобный анализ является перспективным направлением изучения прозы Шульца (с.3), исследование творчества которого в России действительно остается фрагментарным. Кроме того, выбранный компаративистский ракурс позволяет внести много ценного также в изучение прозы Кафки. Крупнейший польский исследователь эпохи модернизма В.Болецкий в свое время заметил: «С одной стороны, Шульц завораживает своей абсолютной уникальностью и оригинальностью, с другой – историк литературы или искусства не может устоять перед искушением задаться вопросом о художественном и историческом контексте великого наследия „отшельника из Дрогобыча“». Чем острее осознание чьей-то неповторимости, тем сильнее соблазн компаративистики».

Очевидна и **теоретическая значимость** диссертации Е.М.Регурецкой, обусловленная тем, что она дополняет и конкретизирует представления о бытовании категории мифа в модернистской литературе, а также выявляет взаимосвязи между мифопоэтическим и сравнительно-историческим анализом художественного текста. **Практическая значимость** данной диссертации связана с возможностью использования ее основных положений и выводов в лекционных вузовских курсах по сравнительному литературоведению, истории литературу стран Западной и Восточной Европы, а также в спецкурсе по проблемам мифа и мифопоэтики в литературном процессе стран зарубежья в XX веке.

Видя цель своей работы в исследовании модернистской концепции мифа Шульца и Кафки как целостной художественной системы, Е.М.Регурецкая формулирует ряд масштабных задач, среди которых: систематизация исследований мифа в гуманитарных дисциплинах; анализ писательской теории мифа Шульца в соотношении с концепцией мифа в прозе Кафки; анализ рецепции творчества Кафки в литературно-критической эссеистике Шульца; определение понятий «мифобиография» и «мифоистория» в контексте мифопоэтики Шульца и Кафки; сравнительное раскрытие образа отца в мифопоэтической картине мира Шульца и Кафки; анализ гендерного аспекта мифа в прозе Шульца и Кафки; определение соотношения между мифологизмом и историзмом в творчестве Шульца и Кафки; анализ взаимодействия между мифопоэтическим и «геопоэтическим» началом творчества Шульца и Кафки в контексте городских исследований современного литературоведения.

Концепция диссертации определяет ее логику и структуру: введение, три главы, каждая из которых разделена на два параграфа и сопровождается краткими выводами, заключение, библиография (270 позиций на русском, польском, немецком, украинском языках), включающая список используемой научной литературы, справочных изданий, а также литературных источников. Во введении автор обосновывает актуальность работы, обозначает объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризует материал и методы анализа, формулирует научную новизну, теоретическую и практическую значимость диссертации, дает информацию о ее аprobации, излагает положения, выносимые на защиту. Глава I посвящена анализу теории мифа в литературоведении XIX и XX вв. и исследованию мифологического модернизма Кафки и Шульца. В главе II дается обоснование синтеза мифологизма и биографизма в творчестве Шульца и Кафки, рассматривается мифообраз отца, а также исследуется диалог женского и мужского начал в мифобиографической картине мира обоих писателей. Содержание главы III составляет анализ исторических событий и личности в мифотворчестве Шульца и Кафки, а также определение роли города в мифоисторической картине мира обоих писателей. В заключении диссертант обобщает содержание, представленное в основной части работы, и намечает направления дальнейших исследований. Нельзя не отметить стремление Е.М.Регурецкой к логической стройности диссертации, структура которой соответствует поставленным задачам и представляется вполне убедительной.

Проведенный тщательный анализ, опирающийся на основательную теоретическую базу (работы по теории мифа, литературной компаративистике, городские исследования российских и зарубежных ученых) и учитывающий контекст исследований польских и немецких шульцеведов и кафковедов, позволяет диссертанту прийти к значимым научным результатам, вынесенные на защиту положения убедительно аргументируются.

На различных этапах исследования Е.М.Регурецкая приходит к ряду ценных выводов (многие из которых имеют также теоретическое значение): о многогранности, конкретности

и универсальности понятия мифа, его надиндивидуальности и индивидуальной его трактовке в художественной культуре XX века; о концептуализированном выражении категории мифа в творчестве Кафки и Шульца; о творческом диалоге Кафки и Шульца; о попытке создания в творчестве двух писателей совершенно новой субъективизированной мифологии, связанной с личным опытом, в частности, детским; о библиоцентризме как стержне мифологической парадигмы Кафки и Шульца; о специфике автобиографизма и мифобиографической образности у Шульца и Кафки как художественном синтезе двух принципов их творчества – мифологизма и биографизма; о центральном положении мифообраза отца, его сходстве и различиях в мифобиографической картине мира двух писателей; о функционировании бинарной оппозиции «отцовское – материнское» в прозе Шульца и Кафки; о мифологических и исторических корнях, а также теоретическом обосновании архаической идеи матриархата у Шульца; о повторном синтезе и взаимопроникновении истории и мифа; о специфике мифологизации исторических образов и пространства у Кафки и Шульца и др.

Отметим как особо ценное обращение автора диссертации также к изобразительному творчеству Шульца, позволяющее обогатить представления о мифобиографической картине мира писателя. Это подтверждает концепцию «автобиографических мест» М.Черминьской – идею существования «комплексного синтетического субъекта всех сочинений автора» и необходимости максимально полно использовать точки соприкосновения биографии и широко понимаемого творчества писателя. О том же говорит польская писательница, художница, фотограф Э.Курылюк: «Искусство рождается из жизни (...). Оно неотделимо от существования художника. Все, что мы создаем, берется из нашей головы: из воображения, переживания, травмы, сна, мечты. (...). Поэтому я не люблю разделения на фотографию, живопись, инсталляции, повествование. (...) То, что я описала в книгах на многих страницах, в моих фотографиях и инсталляциях сводится к нескольким ключевым образам».

Обращают на себя внимание интересные наблюдения, связанные с проблемой библиоцентризма как стержня мифологической парадигмы Кафки и Шульца, успешный анализ взаимосвязи мифологемы книги у Шульца и Кафки и феномена фрагментарности, использование контекста юнговской теории архетипов и пр. Как особенно удачный хочется отметить также раздел, посвященный городскому пространству, исследованию пограничного, «экзентрического» в культурологическом смысле характера описываемых Кафкой и Шульцем городов, рассуждения о «городах истории» и «городах мифа», феномене отчуждения, антимифологизме применительно к пражскому пространству у Кафки и специфической топографической и архитектонической дотошности Шульца при изображении Дрогобыча, обусловленности различий между изображением городского пространства у двух писателей присутствием или отграниченностю природного начала, анализ мотива отклонения от избранного маршрута и блуждания, присутствия топоса лабиринта с его двойственной природой, кото-

рая находит различное воплощение в прозе Шульца и Кафки, образа моста как «важного элемента экзистенциального мифотворчества» (с.154) и собора как «архетипического эквивалента образа отца, играющего роль мифопоэтического центра в мире Шульца и Кафки» (с.155) и т.д. Это замечательный и необычайно увлекательный раздел диссертации.

Большой интерес представляют также размышления об автобиографизме и мифобиографизме, который оказывается ключом к пониманию поэтики Шульца. Вспомним, что сам он писал о невозможности достичь глубинного дна биографии, невозможности точно очертить судьбу посредством описания внешней биографии или даже глубокого психологического анализа. Шульц подчеркивает, что наиболее значимые «данные человеческой жизни лежат (...) в совершенно ином духовном измерении», поскольку биография, «стремящаяся к разъяснению собственных смыслов», есть не что иное, как миф: «Эта мрачная, интуитивная атмосфера, аура, сгущающаяся вокруг каждой семейной истории и словно молнией мифически ее озаряющая, будто там заключена главная тайна крови и рода, открывает поэту доступ к иному ее обличию, ее альтернативе, к глубинной версии истории». Хотелось бы также подчеркнуть, что в личной перспективе Шульца попытка отступления в «гениальную эпоху детства», состояние мифической общности человеческого рода является очевидно также своего рода аутопсихотерапевтическим ходом. В письме Р.Гальперн писатель говорит об отсутствии в нем доверия к судьбе, ощущении опасности, от которого спасает лишь «творческая переработка» жизни. Добавим также – выходя за хронологические рамки темы диссертации, но подтверждая слова автора («В сознании древнего человека миф обеспечивал сознание универсального и безальтернативного мирового порядка вещей и событий. В XX веке вера в этот порядок уже практически полностью отсутствует, в связи с чем функции и сама сущность мифа в сознании современного человека претерпевают резкие изменения» – с.51), что в наше время оказался востребован, в частности, именно этот терапевтический потенциал мифа – в частности, в психотерапевтическом методе мифодрамы и воспроизведении его в литературе, например, в романе О.Токарчук «Анна Ин в гробницах мира». Идея терапевтического действия мифа, в сущности,озвучна концепции Элиаде. Повторение мифа влечет за собой реконструкцию во всей целостности забытого времени, т.е. человек становится «соучастником» описываемых мифом событий, современником богов или героев.

Диссертационное исследование Е.М.Регурецкой, демонстрирующее аргументированные результаты, не вызывает принципиальных возражений, однако заставляет сделать ряд замечаний, не умаляющих ценность работы, но могущих оказаться полезными в будущем.

1. Практически полностью отсутствует польский историко-литературный контекст (за двумя исключениями: на с.137 упоминается интерес литературы межвоенного двадцатилетия к провинции; на с.74-75 в связи с проблемой отец-сын автор замечает, что творчество Шульца «коррелирует с кризисной литературой межвоенного двадцатилетия»): речь идет в

целом о явлении европейского модернизма (а это понятие, как известно, отличается особой подвижностью и размытостью, на протяжении десятилетий оставаясь предметом теоретико-и историко-литературных споров). Разумеется, Шульц – феномен, однако литературный процесс – единое поле влияний и взаимодействий, тем более, что, строго говоря, таких уникальных фигур в межвоенное двадцатилетие было три: три великих новатора (Е.Квятковский), три крылатых имени (В.Болецкий) – Шульц, Виткевич, Гомбрович. Гомбрович не упомянут вовсе, Виткевич – только в связи с письмом к нему Шульца. Разумеется, речь не идет о подробном исследовании контекста, однако хотелось бы избежать ощущения, что Шульц взялся из ничего и существовал в художественном вакууме. Именно в разрезе избранной проблематики представляется крайне важным, что – как и в случае Виткевича – корни уникального художественного мира Шульца уходят в эпоху «Молодой Польши» и Сецессии. Кстати, это частично объясняет «эксцентрическое решение Шульцем гендерной проблематики» (с.97). О явлении своеобразного и необыкновенно плодотворного «отставания» (открывшего путь иронической дистанции, обусловившей новаторство этих авторов) пишет А.Сандауэр (называя Шульца «рогоуборцем» польского неоромантизма – в данном случае это слово можно перевести и как «ребенок, родившийся после смерти отца», и как «эпигон»). Шульц связан и с идеями авангардной поэзии. Существует также контекст психологических научных открытий и жгучего художественного интереса к ним (о чем свидетельствуют, в том числе, рецензии самого Шульца, например, на романы Гомбровича и Кунцевич), а также ряд роднящих самых разных писателей Двадцатилетия лейтмотивов.

2. Сосредотачиваясь на понимании модернизма как антитрадиционализма, диссертант почти не уделяет внимания такому важнейшему для понимания феномена модернизма явлению, как во многом породившая художественную революцию революция промышленная и научно-техническая. Это имеет непосредственное отношение к Шульцу: неслучайно прогресс, не пощадивший провинциальный Дрогобыч, Сандауэр называет «одним из главных источников его воображения». Сандауэр также убедительно доказывает неразрывную связь с противопоставлением традиции и современности важнейших для Шульца антitez – мужского и женского, духовного и материального, людей и манекенов, свободного от комплексов детства и отравленной ими зрелости, а также аутоиронии и культа мазохизма, связывая все эти категории и образы в единый сюжет. Что же касается инновационного вектора, следует помнить, что модернистская революция отличалась изменением не просто инструментария художественного исследования, но самого его предмета – тогда и обращение к мифу не будет представлять противоречием. Искания в области мифологизации были вызваны потребностью *срастить* заново распавшийся вследствие утраты единого универсального мифа мир.

3. Диссидентом проделана большая работа по изучению и систематизации литературы, связанной с темой работы, однако библиография, как нам представляется, должна быть до-

полнена рядом значимых для исследования трудов на польском языке: Bolecki W. Poetycki model prozy w dwudziestoleciu międzywojennym. Witkacy-Gombrowicz, Schulz i inni. Studium z poetyki historycznej; Bolecki W. Polowanie na postmodernistów (w Polsce); Bruno Schulz. In memoriam 1892-1942; Czermińska M. Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki; Czytanie Schulza: materiały międzynarodowej sesji naukowej „Bruno Schulz – w stulecie urodzin i w pięćdziesięciolecie śmierci”; Dąbrowski M. Bruno Schulz a nowsze dyskursy w kulturze; Grysakiewicz B. Ironia i mistyczny; Jarzębski J. Powieść jako autokreacja; Jarzębski J. Witkacy, Schulz, Gombrowicz; Karwowska M. Antropologia wyobraźni twórczej w badaniach literackich. Świat wyobraźni Brunona Schulza; Kulig-Janarek K. Schulzowska mitologia: Motywy, wątki, inspiracje w „Xiędze Bałwochwalczej”; Nieszczerzewska M. Centrum i peryferie w twórczości B. Schulza; Sandauer A. Rzeczywistość zdegradowana. Rzecz o Brunonie Schulzu; Speina J. Brunona Schulza reminiscencje archetypowe; Studia o prozie Brunona Schulza; Zieniewicz A. Pakty i fikcje. Autobiografizm po końcu wielkich narracji (szkice).

4. с.73: «Введенный нами термин мифобиографизм». Имеется ли в виду, что автор впервые вводит этот термин в научный оборот или в русскоязычное пространство? В Польше первым его использовал П.Чаплинский в книге о Т.Конвицком (1994), и он успешно применяется, в том числе в связи с прозой Шульца. Понятия «мифобиография», «мифобиографический» встречаются в русскоязычных и зарубежных работах.

5. В начале §I главы I говорится о двухаспектности категории мифа. В качестве первого аспекта указывается «неотъемлемая часть творчества писателей, которые в комментариях к своему творчеству обращаются к понятию мифа, отводя ему (...) центральное место в своих художественных исканиях» (с.10). Возникает вопрос: а если писатели в комментариях к своему творчеству не обращаются к понятию мифа, «отводя ему важное место» – то о категории мифа в их творчестве мы уже не имеем права говорить?

6. Мелкие пожелания, касающиеся конструкции текста и терминологии. Так, в §I главы I в некоторых случаях уместно было бы указать годы – например, не всем может быть известно, когда Карапович говорил то, что говорил, а ссылка на русское издание 2016 г. только введет в этом смысле заблуждение. Понятие польских Кресов стоило бы объяснить в одном месте, поскольку это устоявшийся термин, а не некая метафора (как можно подумать, читая о них на с.41; о термине говорится лишь на с.132, причем на с.137 дается повтор объяснения). На с.158 речь идет о «типовизации Лотмана» и «типовизации Венцловы» – представляется, что в данном случае уместнее говорить о «типовизации».

7. Имеют место также мелкие недочеты, которые не умаляют научные достоинства диссертации, однако их отсутствие всегда украшает научный труд. Это логически неудачные формулировки и конструкции, опечатки и пропуски слов, а также неверная расстановка кавычек при цитировании, что затрудняет понимание текста, многочисленные стилистические

«ляпы», неизбежные полонизмы. Есть мелкие неточности (русское издание 2000 г., по которому автор цитирует Шульца, вышло в издательстве «Инапресс», а не «Алетея»; на с.72 говорится: «Наиболее характерна здесь точка зрения хорватского исследователя М.Медарич». Магдалена Медарич – хорватская исследовательница) и случаи некорректного цитирования. Так, на с.39-40 диссертант приводит цитату из текста А.Загаевского «Дробо-быч и мир», ссылаясь на перевод В.Кулагиной-Ярцевой (Иностранный литература, 1996, №8), но используя при этом собственный перевод. О втором случае – ниже. Желательно было бы избежать различного рода разнобоя. Жанр «Коричных лавок» автор диссертации определяет то как цикл рассказов (с.5, 66, 137), то как повесть (с.92, 96, 98, 104) или повесть, включающую в себя рассказы (с.140, 141). Наряду с используемым в диссертации вариантом транслитерации польских фамилий с окончанием *-ий*, *-ая* встречаются отдельные случаи употребления варианта с *-и*, *-а* (с. 33, 41, 62). Кроме того, если по всей диссертации (за одним исключением) Шульц последовательно цитируется в переводе Л.Цывьяна, то почему только на с.88 говорится о «Коричных лавочках» (как у Цывьяна), а по всему тексту – о «Коричных лавках»? Автор вправе использовать вариант перевода А.Эппеля, однако это следует, во-первых, оговорить, во-вторых, избегать подобной разноголосицы. На с.40 фигурирует «Республика мечтаний» (название рассказа Шульца), а на с.136 – «Республика мечты» – в соответствии с переводом Цывьяна. Наконец на с.87 текст Шульца внезапно цитируется по переводу Эппеля (что оправдано, поскольку именно Эппель сохраняет то, что важно показать диссиденту – образ «мяса» – это можно увидеть даже в самой диссертации, поскольку на с.100 снова возникают эти цитаты, уже в переводе Цывьяна), что не только никак не оговаривается, но и ссылка идет на позицию, отсутствующую в библиографии (к тому же неверно указаны страницы –16 вместо 13-14). В библиографии стоило бы указать переводчиков – Цывьян упомянут только в связи с ошибкой (с. 147) – тем более что в изданиях Кафки в некоторых случаях переводчик указан. Не вполне ясна логика указания полного имени или инициалов, а также цитирования текстов в переводе и в оригинале или же только в переводе.

Высказанные замечания имеют частный характер и не снижают научных достоинств диссертации, однако, возможно, окажутся полезными при дальнейшей работе.

Подводя итог, можно сказать, что Е.М.Регурецкая, впервые осуществив сравнительный анализ функционирования категории мифа в прозе Кафки и Шульца, вносит существенный вклад не только в исследование творчества двух классиков мировой литературы, но и в изучение самого феномена европейского и, в частности, центрально-европейского модернизма. А это проблема по-прежнему невероятно актуальная. По словам А.Гениса, именно опыт модернизма «определен пути всего современного искусства, которое, чередуя бешеный напор с трагическим отчаянием, ищет новый способ связи, ибо искусство всегда было, есть и будет той коммуникацией, что связывает человечество в одну грибницу».

Автореферат и 9 опубликованных работ (4 из них – в рецензируемых научных изданиях) полностью отражают содержание диссертации.

Вышеизложенное дает все основания утверждать, что диссертация Регурецкой Екатерины Михайловны «Концепция мифа в творчестве Б. Шульца и Ф. Кафки» тематически соответствует паспорту специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская), отвечает требованиям п. 9 – 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842, ее автор, Регурецкая Екатерина Михайловна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская).

Доктор филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (славянские литературы), ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Адельгейм Ирина Евгеньевна

9 октября 2018 г.

115419, Москва,
Серпуховский вал, д. 22, к.2, кв. 76;
тел.(495) 954-23-46;
e-mail adelgejm@yandex.ru

